

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И РУССКАЯ КУЛЬТУРА  
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв.:  
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ,  
МЕЦЕНАТСТВО, ПРОСВЕТИТЕЛЬСТВО

Мария Гордеева  
(Москва)

В истории отечественного меценатства выделяют два основных периода: первый — дворянский (2-я пол. XVIII – 1-я треть XIX вв.); второй — купеческий (2-я пол. XIX – нач. XX вв.) — взлет русской торгово-промышленной элиты, именно этот период исследователи назовут «золотым веком» русского меценатства [Аронов: 5]. Солдатенковы, Морозовы, Третьяковы, Мамонтовы, Щукины, Рябушинские — купеческие династии, меценатская и благотворительная деятельность которых стала частью истории русской культуры.

Истории возвышения этих династий похожи. Их родоначальники — старообрядцы, выходцы из деревень, бывшие крепостные крестьяне. Рябушинские и Щукины — из Боровска, Солдатенковы — деревни Прокунино Московской губернии, Морозовы — потомки владимирских крестьян, Третьяковы родом из Малоярославца. После московского пожара 1812 г., когда было уничтожено состояние прежней купеческой корпорации города, родоначальники этих династий заняли освободившуюся рыночную нишу и основали преимущественно текстильные предприятия.

Старообрядцы традиционно держались вместе — создавали общины, членам которых выдавались кредиты на льготных условиях. Кроме того, старообрядцы за многолетнюю историю гонений научились выживать, работать не покладая рук — отсюда их упорство, предприимчивость и смекалка. В быту старoverы, несмотря на строгие ограничения, все же были новаторами — после раскола приходилось создавать новую «старую» веру. Все эти качества только помогали старообрядцам богатеть. Второе поколение купцов расширяло семейное дело, сын был часто образованнее отца и добивался большей прибыли. При этом само отно-

шение староверов к богатству и собственности строго регламентировано: богатство считалось праведным только в том случае, если богатый кормит бедных, искупает свой грех перед Богом. Богатство обязывало — отсюда такая склонность к благотворительности у второго поколения купцов.

Третье поколение — образованное, знающее несколько иностранных языков, постоянно бывающее за границей — все больше приобщалось к западноевропейской и аристократической культуре. Староверы приобрели бывшие дворянские имения (Кунцево, Абрамцево, Кучино) и начали тратить деньги не только на благотворительность, но и меценатство — собирали коллекции живописи, издавали журналы и газеты, открывали музеи и театры. Элитарные круги общества, в которые, конечно, входили прежде всего дворяне, восприняли такое «вмешательство» резко негативно. Между тем, сами купцы отмечали, что в конце XIX в. купечество в Москве стало основной силой и во многом превосходило беднеющих дворян. Считалось, что лучше быть первым среди купцов, чем последним среди дворян.

К началу XX в. в основе практически всех культурных предприятий лежали купеческие деньги и инициатива. МХТ, Третьяковская галерея, Музей изящных искусств, даже большая часть Исторического музея, Русская опера — все это было результатом меценатской деятельности купцов. Общество по-прежнему на все их начинания реагировало неоднозначно. Театральный критик и фельетонист Влас Михайлович Дорошевич в газете «Московский листок» (1902) написал достаточно едкую статью под заглавием «Искусство на иждивении». Он говорил о том, что за любым начинанием в Москве — больницей, музеем, театром — стоит купец, все ждут мецената и надеются на него. Потому и отношение мецената к искусству похоже на даму на иждивении: «Захожу — разлюблю! Жизнь на радость мне дана!» [Дорошевич: 21]. Это положение пора изменить, считал критик, искусству лучше держаться от меценатства подальше.

Поводом к этой статье послужило создание С. Т. Морозовым Товарищества деятелей Художественного театра и уход из труппы талантливого режиссера и актера А. А. Санина. Морозову критик Дорошевич адресовал язвительные слова о том, что не стоит верить купцу, даже если он «светит, как меланхоличный месяц» [Там же], нашел себе, казалось, безобидное занятие —

директорствовать эффектами, подбирать красный звон, заведовать электрическими лампочками, делать дождь и хорошую погоду, а главное — не вмешиваться в творческий процесс. Рано или поздно, как это сделал Морозов, купец вмешается и перечеркнет все самое светлое, что было сделано. Кстати, именно Дорошевич впервые назвал МХТ раскольничьим скитом, созданным фанатиками искусства, а Станиславского — «первой гильдии комментатором Шекспира», намекая на его купеческое и раскольничье происхождение.

Московская элита так же скептически отнеслась и к проекту С. И. Мамонтова — Русской опере. Известен фельетон А. П. Чехова, который писатель под псевдонимом «Улисс» опубликовал в журнале «Осколки» [Чехов: 3]. Уже с первых строк Чехов задал саркастический тон всей статье, напоминая читателю, что тип старых бар, «завопивших “с жиру” собственные театры и оркестры, на Руси еще не вывелся. Раскрывайте вы житие железнодорожного барина г. Саввы Мамонтова, и вы убедитесь в целостности типа» [Там же]. Автор имел в виду инвестиции Мамонтова в Русский театр Федора Адамовича Корша, который в скором времени превратился в Русскую оперу. Чехов отмечал непрофессионализм певцов и самого мецената, изображающего из себя музыкального человека. Великолепные декорации, костюмы замечательный оркестр при отсутствии хороших певцов ничего не значат. В результате Москва, кроме «неудовлетворительной казенной оперы имеет еще и плохую частную» [Там же]. Фельетонист пришел к выводу, что Мамонтов создал оперу только для себя и своей, «железнодорожной» публики, а это значит, что писать рецензии на нее — все равно, что вторгаться в частную жизнь.

Журнал «Золотое руно» — проект эксцентричного Николая Павловича Рябушинского — тоже вызвал много толков и сплетен среди московской публики. Рябушинского не зря называли «шалым» — братья даже оформили над ним опеку, но через несколько лет сняли ее, в надежде, что младший угомонится. Этого не произошло, и в 1906 г. вышел первый номер журнала «Золотое Руно» с богатым оформлением, переводом всех текстов на французский язык, а среди авторов журнала значились самые видные символисты эпохи — Белый, Блок, Кузмин, Мережковский. Журнал «Весы», коллеги-символисты отреагировали на появление журнала фельетоном за подписью «Товарищ Герман» [Брюсов:

81]. «Весы» обрушились с критикой на предисловие к «Руну», написанное, по всей вероятности, Рябушинским. Рассуждения в духе «красота в искусстве, а искусство вечно» показались «Весам» чопорными, бесполезными в своей очевидности, «товарищ Герман» намекал на низкий культурный уровень автора предисловия. Журнал даже придумал образ «Руна»: роскошную даму Сундулею Вахрамиевну, которая может долго и тонко говорить о Ницше, «но может и такое сказать, что всем страшно станет и платочком утереться, как не нужно» [Брюсов: 81]. «Весы» смеялись над обычаем журнала переводить все тексты на французский язык: «Очевидно, французам тоже пришло время узнать, что без красоты жить нельзя и что она вечна» [Там же: 82].

По-другому общество и журналисты относились к меценатам-коллекционерам. В прессе можно было встретить подробные обзоры коллекций Щукина и Третьякова, причем многие из них сопровождались достаточно точными высказываниями о личности владельца коллекции. К примеру, журналист Яков Александрович Тухенгольд («Аполлон») говорил об эволюции коллекции Щукина, как и развитии самого владельца. Он выделял, пожалуй, главное, что отличало Щукинское собрание — новизну в сочетании с преемственностью, Щукин с энтузиазмом искал нового, но не отрекался от старого. Интересно, что сам Щукин зачастую долго не понимал картину: так это было с Матиссом и Пикассо. Знаменитые панно «Танец» и «Музыка», заказанные Щукиным Матиссу специально для своего дома на Знаменке, после провала на Осеннем салоне в Париже вообще могли не появиться в России — коллекционер хотел от них отказаться. Но в последний момент передумал, выписал картину из Парижа, а вскоре Москву посетил и сам Матисс.

В прессе публиковались обзоры коллекции Третьякова, но самым значимым материалом стала статья Владимира Васильевича Стасова в журнале «Русская старина» [Стасов: 572]. Она интересна тем, что здесь дается, пожалуй, первое подробное описание самого П. М. Третьякова. Критик пытался понять, что натолкнуло Третьякова на мысль принести галерею в дар русскому народу. Единственным препятствием к этому стало нежелание мецената рассказывать о себе самом, твердое намерение «не сообщать ровно никаких подробностей о своей молодости, своих начинаниях, намерениях и действиях относительно собирания картин» [Ста-

сов: 575]. Стасов рассказывал об истоках коллекции: собирать галерею Третьяков начал еще в 25 лет, когда не грозила ни старость, ни смерть, а перед глазами не было примеров богатых аристократов. Уже тогда, отмечал критик, находились люди, нападавшие на домашнюю галерею Третьяковых и находившие ее создателей невежественными меценатами, которые «в искусстве не смыслят “ни уха, ни рыла”» [Стасов: 577]. Сравнивая Третьякова с Медичи, Стасов упоминал о том, что несмотря на близкую дружбу с художниками, коллекционер никогда не находился под их влиянием в выборе картин. Известно, что эта статья очень огорчила Третьякова, не желавшего быть объектом всеобщего внимания и благодарности. Нежелание было настолько сильным, что когда Александр III с семьей прибыл на открытие Третьяковской галереи и предложил Третьякову дворянский чин, тот отказался.

Так общество (и пресса как индикатор общественных настроений) реагировало на деятельность купцов-меценатов. Интересно, что старообрядческая периодика практически не упоминала о них, хотя тема интеллигенции и культуры в целом была освещена достаточно подробно. В старообрядческих журналах встречались очень жесткие высказывания в адрес литераторов и интеллигенции. Журнал «Старообрядческая мысль» писал о крайне опасной литературе, которая увлекается излишним эротизмом и откровенностью: «... в каком-то сумасшествии захлебываются идеализацией всякой криминальной мерзости, пошлости и непотребства, жадно смакуя разную печатную гнойную гадость, в роде “Крыльев” Кузмина, “Тридцати-трех уродов” Зиновьевой-Аннибал, “Санина” М. Арцыбашева, или мерзкого стихоплетства Зинаиды Гиппиус» [Макаров: 257]. Интеллигенция, как писал журнал «Слово церкви», оторвана от народной культуры и потому зашла в тупик, остановилась в своем развитии — единственное, что может предпринять народ и старообрядчество как движущая сила — «хождение в интеллигенцию» [Кириллов: 516], чтобы вернуть элите связь с народной традицией и своими корнями.

В то же время старообрядческий журнал «Церковь» [Богатенко: 477] проповедовал все более широкое образование среди староверов, одобрял идеи Д. С. Мережковского и В. С. Соловьева, оправдывал перед своими читателями выступления Морозовского хора в консерватории (месте, неподобающем для церковного пения) и занял достаточно прогрессивную позицию, говоря о том,

что все новшества — культурные и технологические — необходимо органично встраивать в свою культурную традицию.

Анализ публикаций в старообрядческих изданиях помог понять, что периодика староверов — новое, еще неизведанное поле для изучения. Газеты и журналы староверов издавались не только в Москве, но и в Киеве, Нижнем Новгороде, Тобольске, в разных областях Украины и Европы — их география очень широка. Более того, многие меценаты вкладывали деньги и силы в собственные издания — так поступали братья Рябушинские — Павел Павлович издавал общественно-политическую газету «Утро России», Николай Павлович — журнал «Золотое руно». Исследование будет продолжаться именно в направлении старообрядческой периодики.

Таким образом, общество и пресса очень неоднозначны в своих оценках участия купцов-старообрядцев в сфере культуры и искусства. Крайне неоднозначны и мотивы купцов-старообрядцев. Но определенно то, что, во-первых, старообрядчество как религиозное течение оказало несомненное влияние на склонность купцов к меценатству и благотворительности, во-вторых, именно эта купеческая элита была основной движущей силой в Москве конца XIX – начала XX вв. В старообрядцах генетически заложено не только понимание своей ответственности за богатство и успех, но и предпринимательский талант, сила и энергия, которые оказались направлены в нужное русло. В третьем поколении купцов-старообрядцев в удивительно правильных для развития русской культуры пропорциях все качества, присущие староверам (смекалка, трудоспособность, энергия), сочетаются с образованностью и широтой взглядов. Класс богатых, образованных и увлекающихся людей естественным образом инвестировал в развитие культурной среды в Москве.

## ЛИТЕРАТУРА

- Аронов: *Аронов А. А.* Золотой век русского меценатства. М., 1995.  
Богатенко: *Богатенко Я.* Близорукие ценители // Церковь. 1911. № 20. С. 476–478.  
Брюсов: *Товарищ Герман.* Золотое Руно // Весы. 1906. № 2. Февраль. С. 81–82.

- Дорошевич: *Дорошевич В. М.* Искусство на иждивении // Русское слово. 1902. 17 февр. С. 21–27.
- Кириллов: *Кириллов И.* Старообрядчество и просвещение // Слово церкви. 1916. № 24. С. 510–517.
- Макаров: *Макаров В.* Крайне опасная литература // Старообрядческая мысль. 1910. № 4. С. 255–268.
- Стасов: *Стасов В. В.* Павел Михайлович Третьяков и его картинная галерея // Русская старина. 1893. Декабрь. С. 568–582.
- Чехов: Улисс. Без названия // Осколки. 1885. № 5. 2 февр. С. 3–4.